

Лейб-драгуны дома и на войне

Выпуск 4

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Л33

Л33 Лейб-драгуны дома и на войне: Выпуск 4 / – М.: Книга по Требованию, 2021. –
139 с.

ISBN 978-5-458-68395-1

ISBN 978-5-458-68395-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

всякой охраны. Онъ только улыбался и говорилъ: «отъ судьбы не уйдешь»...

Наконецъ, были раскрыты нѣсколько заговоровъ, готовившихъ покушенія на жизнь Великаго Князя. Онъ продолжалъ такъ же спокойно исполнять свой солдатскій долгъ, вплоть до окончательнаго подавленія гнуснаго всероссійскаго бунта.

Для характеристики хладнокровія Великаго Князя въ моментъ опасности приведу одинъ случай мало кому извѣстный.

Во время лагернаго сбора въ Красномъ Селѣ былъ періодъ отрядныхъ маневровъ. Составлялись небольшіе отряды изъ трехъ родовъ оружія, подъ командой генераловъ, которые получали боевыя задачи, при чемъ обѣ стороны разводились на нѣкоторое разстояніе и затѣмъ наступали другъ на друга.

Придавая огромное значеніе этимъ малымъ маневрамъ, на которыхъ примѣнялось впервые все, что было почерпнуто изъ боевого опыта только что оконченной Японской войны, Великій Князь лично ежедневно ѣздилъ на эти маневры, слушалъ ихъ разборъ и говорилъ свое заключительное слово.

Тотъ случай, о которомъ я хочу рассказать, произошелъ какъ разъ на такомъ маневрѣ.

Великій Князь, верхомъ, окруженный Своимъ штабомъ, стоялъ у трибуны Красносельскихъ скачекъ. На противоположной окраинѣ скакового поля наступала пѣхотная часть густой пѣпы. Ружейный огонь все усиливался. Вдругъ надъ Великимъ Княземъ ясно послышался свистъ пролетѣвшей пули, которая ударилась въ деревянную постройку

скаковыхъ трибунъ.... Всѣ насторожились. Черезъ нѣсколько секундъ еще пуля! еще! и еще!!!

Въ штабѣ поднялась суета.

Я въ этотъ день былъ дежурнымъ адъютантомъ и поэтому стоялъ у самаго стремени Великаго Князя и ясно видѣлъ Его тонкое породистое лицо. Онъ былъ совершенно спокоенъ и какъ будто только чуть чуть презрительно улыбался!

Понеслись ординарцы, остановить наступленіе. Начались допросы, дознанія, никакихъ, конечно, результатовъ не давшіе, а Великій Князь, какъ будто ничего особеннаго не случилось, приказалъ продолжать маневръ...

Зная, что Его присутствіе на маневрахъ и ученіяхъ волновало многихъ начальниковъ и приводило ихъ въ нервное состояніе, отъ котораго страдало дѣло, Великій Князь старался шуткой разсѣять натянутую атмосферу — и Ему это удавалось, чему нижеслѣдующій примѣръ:

Маневръ разыгрывался около деревни Русское Капорское, въ которой находилось офицерское собраніе Л. Гв. Гусарскаго Е. В. п. Руководителемъ и старшимъ посредникомъ былъ генералъ Лешъ, покрывшій себя недавно до этого славою въ должности Командира I Его Величества Восточно-Сибирскаго Стрѣлк. полка. Погода была отчаянная: холодъ, вѣтеръ, дождь — ну какъ часто бывало въ Красномъ Селѣ. Великій Князь приказалъ вынести столикъ съ закусками и водкою изъ гусарскаго собранія. Прозябшіе и промокшіе офицеры съ восторгомъ привѣтствовали появленіе «резервовъ». Генералъ Лешъ, наливъ рюмку водки, поднесъ ее Великому Князю.

Тотъ отказался. Тогда Лешъ совершенно серьезно сказалъ Великому Князю: «напрасно Вы, Ваше Императорское Высочество, не пьете водку». — «А почему?», улыбнувшись спросилъ Великій Князь. — «А вотъ почему», началъ Лешъ, «былъ у меня въ полку батальонный командиръ баронъ Рабенъ. Онъ тоже водку не пилъ. Игралъ онъ въ фанзъ со своими офицерами въ винтъ. Вдругъ влетѣла шимоза и оторвала Рабену голову, а его три партнера остались цѣлы!» — «Наливайте скорѣе, да и побольше», съ притворнымъ ужасомъ воскликнулъ Великій Князь и выпивъ спросилъ у Леша: «Вѣдь вы, ваше превосходительство, окончили академію генеральнаго штаба по второму разряду, не правда ли?». — «Такъ точно, Ваше Императорское Высочество». — «Я замѣтилъ», продолжалъ Великій Князь, «что изъ окончившихъ академію по второму разряду выходятъ выдающіеся генералы, напримѣръ, Скобелевъ, вы...», и затѣмъ сдѣлавъ паузу и улыбнувшись, прибавилъ: «а я окончилъ съ золотой медалью».

Конечно, взрывъ хохота всѣхъ окружающихъ былъ отвѣтомъ на эту шутку и настроеніе у всѣхъ поднялось.

Насколько величественная фигура Великаго Князя была всѣмъ и всегда извѣстна, видно будетъ изъ слѣдующаго:

Въ 1910 году, въ Вѣнѣ была международная охотничья выставка. Русскій павильонъ предполагался, конечно, грандіознымъ и Великій Князь былъ назначенъ предсѣдателемъ комиссіи для его устройства.

Въ это время произошла аннексія Босніи и Герцеговины и наши отношенія съ Австріей обостри-

лись настолько, что рѣшено было Россіи не участвовать на выставкѣ вовсе.

Осенью того же года Великій Князь былъ посланъ Государемъ Императоромъ вручить фельд-маршалскій жезлъ Королю Черногорскому, по случаю 50-лѣтняго юбилея Его царствованія.

Великій Князь, воспользовался этимъ случаемъ, чтобы на обратномъ пути, соблюдая строжайшее инкогнито, подъ именемъ графа Першинскаго, осмотрѣть интересовавшую Его выставку.

Прибыли мы въ Вѣну рано утромъ и остановились въ гостинницѣ Захеръ.

Черезъ 20 минутъ Великій Князь и я уже неслись въ простомъ такси на выставку, помѣщавшуюся гдѣ то далеко.

Подѣхавъ ко входу, у контрольныхъ вертушекъ коего стояли сторожа, одѣтые въ тирольскіе костюмы, Великій Князь остался ждать меня, я же пошелъ въ кассу взять билеты.

Получивъ ихъ, я обернулся, чтобы идти къ Великому Князю и увидалъ Его быстро шагающимъ уже по главной аллеѣ выставки, а сторожа, съ шляпами въ рукахъ, смотрѣли Ему вслѣдъ. Я бросился бѣжать, всунувъ на ходу билеты, и догналъ улыбающагося Великаго Князя, который встрѣтилъ меня словами: «хорошо инкогнито»!!!

Я недоумѣвая смотрѣлъ на Него. «Ну, да», продолжалъ Великій Князь, «пока ты бралъ билеты, а я ждалъ у входа, сторожа посмотрѣли на меня, потому что то промежъ себя сказали и вдругъ точно по командѣ сняли шляпы и, обратившись ко мнѣ, сказали:

«Bitte Ihre Kaiserliche Hoheit hinein zu gehen».

«Вотъ тебѣ и инкогнито», окончилъ Великій Князь.

Ярче всего выступаетъ во всемъ величїи ясный образъ этого скромнаго и глубоко религіознаго человѣка, въ Его словахъ, сказанныхъ мнѣ въ сентябрѣ 1915 года, въ Першинѣ, послѣ Своего назначенія Намѣстникомъ на Кавказъ.

Многимъ еще памятно, съ какимъ тяжелымъ чувствомъ узнали войска на фронтѣ объ отчисленіи Великаго Князя отъ должности Верховнаго Главнокомандующаго.

Въ это время я командовалъ 2-й бригадой 2-й гвардейской кавалерійской дивизіи. Наша дивизія стояла въ Пинскихъ болотахъ, гдѣ, конечно, никакія кавалерійскія сколы бы то ни было значительныя массы дѣйствовать не могли. Поэтому начальникъ дивизіи предложилъ мнѣ уѣхать на нѣсколько дней въ С. Петербургъ. Прибывъ къ себѣ домой, я написалъ Великому Князю письмо, въ которомъ, какъ всегда, чистосердечно, рассказалъ объ томъ тягостномъ впечатлѣніи, которое произвела на фронтѣ происшедшая перемѣна. Вскорѣ я получилъ отъ Великаго Князя телеграмму, въ которой Онъ мнѣ сообщалъ, что беретъ меня съ собою на Кавказъ и чтобы я немедленно прибылъ къ Нему въ Першино, гдѣ онъ ждалъ, чтобы престарѣлый графъ Воронцовъ-Дашковъ выѣхалъ изъ Тифлиса.

Приѣхалъ я въ Першино подъ вечеръ и сразу былъ проведенъ въ кабинетъ Великаго Князя, котораго засталъ сидящимъ въ своей старой охотничьей курткѣ, у письменнаго стола, какъ всегда, совершенно спокойнаго и привѣтливо улыбающагося.

Послѣ того, какъ я доложилъ обо всемъ видѣн-

номъ мною на фронтѣ, Великій Князь сказалъ ни-
жеслѣдующія слова, которыя привожу почти до-
словно, до того они врѣзались мнѣ въ память:

«Ты меня знаешь хорошо. Никогда я не думалъ
о Себѣ, какъ о великомъ полководцѣ и не мнилъ
себя Наполеономъ. Но Господь Богъ далъ Мнѣ со-
вершенно Мною незаслуженный ореоль... Вотъ
этотъ то ореоль и не надо было трогать!»

Весь скромный и глубоко религіозный Великій
Князь высказался въ этихъ немногихъ словахъ и
такимъ Онъ не переставалъ быть, несмотря на всѣ
ужасы, черезъ которые пришлось Ему бѣдному
пройти впослѣдствіи, и такимъ онъ предсталъ пе-
редъ Престоломъ Всевышняго наканунѣ нашего
Русскаго Рождества 1928 года.

Графъ Ѳеодоръ Ниродъ.

«ПЕРВЫЯ РАНЫ»

Солнце встало, солнце жмурится
На окошках стаи мухъ
Горбатовскихъ клохчетъ курица
И грызеть ее Матухъ*)
Леня съ Марочкой у лужицы
Впрокъ готовятъ пирожки..

У всякаго русскаго полка, какъ это намъ особенно ясно теперь въ сравненіи съ здѣшними, была не только своя фізіономія, но своя душа, опредѣленная, накладывавшая на cadaго офицера, прослужившаго нѣкоторое время въ данномъ полку, свой, особенный отпечатокъ. Можетъ быть, даже навѣрное, многое дѣлалось безсознательно, но всѣ эти словечки, шуточные прозвища, непременно отражали душу полка.

Лейбъ-Драгуны были, изо всей дивизіи, самымъ семейнымъ полкомъ, въ немъ одно время числилось 24 женатыхъ. Говорили, что этому причина провинція, но Кречевицы отошли въ прошлое, а ново-произведенные въ полкъ петербуржцы неуклонно продолжали подавать рапорты о разрѣшеніи вступить въ законный бракъ. Гриневу бы-

*) Матушекъ — такса М. А. Гриневой.

ло, помнится, лѣтъ 20, Горбатовскому немногимъ больше.

Молодежь, женясь, уходила изъ штаба, гдѣ корнетскія квартиры были тѣсны для семейныхъ и селилась поближе къ службѣ, по бульвару Юркевича. Между «Юркевичемъ» и «Штабомъ» образовалось даже легкое облачко сепаратизма. Онѣ находили насъ вольнодумками, мы же подтрунивали надъ ихъ консерватизмомъ. Штабъ свято блюдетъ традиціи, заведенныя въ эпоху преисторическую какой то «старшей дамой». Юркевичъ эти традиціи отрицалъ и веселился по своему, какъ умѣлъ. Помню двѣ знаменитыя маевки... но рѣчь идетъ теперь, увы, не объ весельѣ...

Въ іюнѣ 1914 года, полкъ ушелъ въ лагеря, мы же, почти всѣ, оставались въ Петергофѣ, куда часто наѣзжали мужья.

Этимъ лѣтомъ, А. В. Де-Виттъ, вычитавъ откуда то о новомъ, наирадикальнѣйшемъ способѣ похудѣть, пригласила меня раздѣлить съ ней кампанію. Обѣимъ это было, вотъ какъ нужно! Лечение состояло въ томъ, что каждый третій день голодали, разрѣшая себѣ лишь два стакана молока и одинъ сухарь. Одинъ! Было рѣшено, что голодные дни будемъ проводить вмѣстѣ, для поддержанія бодрости. И вотъ, 14-го іюля выпалъ именно такой день. Выпивъ положенный стаканъ, придумали, развлечения ради, купать Ирочку. Положили дѣвчурку въ ванну, а она очаровательно била ножками по водѣ и смѣялась. Вдругъ, звукъ трубы, затѣмъ мѣрный, знакомый топотъ. Мы обѣ бросились на балконъ: сверкая на солнцѣ мѣдными трубками, плавно, красиво вступалъ въ Петергофъ нашъ полкъ, нашъ чудный, любимый полкъ! Господи, и

не сказало сердце, что видимъ его такимъ въ послѣдній разъ!

А изъ дѣтской, между тѣмъ, раздавался обиженный плачь Ирочки, которая чувствовала себя покинутой мамой и тетей...

Въ первую секунду мы легкомысленно обрадовались концу маневровъ, но затѣмъ стало очень тревожно. Вѣсти были грозныя. Впрочемъ я, большая оптимистка отъ природы, утѣшала себя, что это лишь демонстрація, которая охладитъ австрійскій пылъ. Событія, между тѣмъ, развертывались съ ужасающей быстротой, переворачивалась страница исторіи, міръ вступалъ въ новую эру.

18-го числа, въ 5 часовъ утра, полкъ уже грузился въ огромномъ, застекленномъ вокзалѣ Новаго Петергофа. Только что, тяжкимъ бредомъ мелькнуло страшное прощаніе на дому, порогъ котораго уѣзжающій переступалъ, кто знаетъ, быть можетъ, въ послѣдній разъ. Я не плакала, думается никто изъ насъ, женъ офицеровъ не могъ плакать. Отрывался кусокъ сердца, но вѣдь звала Родина! Тебѣ, Россія! Нѣтъ, слезъ не было.

Ужасно пусть и холоденъ былъ вокзалъ. Вотъ повели грузить красавицу Ганю и моего любимца Вестъ-Винда, сирѣчь Василя Ивановича. Онъ шалилъ, тянулся мягкими губами къ рукѣ, облизалъ мнѣ рукавъ.

— Вотъ ты всегда такъ, баловникъ, любовно укорялъ его нашъ вѣстовой, Большаковъ. Зачѣмъ барыню то замазалъ?

И сталъ заботливо обтирать рукавъ. Ко мнѣ подошелъ графъ Ниродъ.

— А развѣ Вы не боитесь этихъ большихъ животныхъ? — шутиливо спросилъ онъ.

Я прощалась съ ними, какъ съ людьми. Бѣдныя лошади, для нихъ то война дѣйствительно не знаетъ пощады!

Казалось будутъ грузиться долго-долго и когда поѣздъ, вздрогнувъ, поплылъ мимо насъ, не хотѣлось вѣрить, что это случилось, что могло случиться такое! Вотъ мелькнуло восторженное лицо мужа. Онъ мыслями уже въ бою: — У насъ нѣтъ женъ, нѣтъ семей, кричитъ онъ кому то изъ товарищей. У насъ одна — Родина!

Два красныхъ огонька, точно двѣ капли крови... Все меньше... Исчезаютъ вдали... Уѣхали!

На слѣдующій день, въ поѣздѣ телефонная барышня сообщила что сообщеніе съ Берлиномъ и Вѣной прервано. Неизбѣжное совершилось. Но мнѣ не долго пришлось пробыть въ одиночествѣ, приѣхала тетка мужа и увезла съ собой въ Петербургъ.

— Тебѣ слишкомъ тяжело будетъ одной, — сказала старушка.

Сынъ лечился въ это время въ Евпаторіи. Я съ благодарностью согласилась. 31-го іюля, ранораненько на квартирѣ тетушки Е. Д. Камышанской появилась моя Маша, столпъ и управительница нашего дома, оставленная мною при дачѣ. Горничная доложила кузинѣ Линѣ, что «на кухнѣ сидятъ Марья Петровна и плачутъ». У Лины екнуло сердце, она бросилась туда. Оказывается, что получены были три телеграммы съ извѣстіемъ о раненіи мужа. Маша телеграммы до меня не допустила, прочла и теперь разливалась.

— Что Вы, что Вы, Маша, надо Бога благодарить, а не плакать. Вѣдь не опасно раненъ, утѣша-